

DOI: 10.31696/S086919080035267-0

О ФАКТОРАХ НЕРАЗВИТОСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ XIX в.

© 2025

У.В. ОКИМБЕКОВ ^а

^а— Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3452-3630; ubayd@inbox.ru

Резюме: На протяжении X–XVII вв. территории современного Афганистана периодически входили в состав разных государств и держав, каждая из которых внесла определенный вклад в их социокультурное развитие, а отдельные города служили столицами владений влиятельных правителей. Покровительство науке и литературе, присутствие в окружении властителей поэтов и мыслителей тогда вошло в традицию и способствовало появлению просветительских кружков, школ и центров. Примерно с конца XVI в., однако, начался процесс постепенной деградации этих городов, и уже к XIX столетию констатировалась тотальная безграмотность населения, отмечалось отсутствие признаков просвещения, что негативно сказывалось на развитии остальных сфер социальной и экономической жизни.

Европейскими путешественниками и эмиссарами, посетившими Афганистан в течение рассматриваемого века, сообщалось о крайне разрушенном состоянии его городов, предельно низком уровне грамотности населения, в том числе среди правящих кругов, отсутствии школ или мест, где можно было бы научиться грамоте. Исключение составляло лишь религиозное образование при мечетях, организованное служителями культа. Правители, как в центре, так и на местах, мало интересовались вопросами социального развития и, ведя политику изоляционизма, дистанцировались от процессов, происходивших во внешнем мире, не устанавливали официальные дипломатические и торговые сношения с другими государствами. Происходившие во второй половине XIX в. изменения во внутренней и внешней политике Афганистана особо не повлияли на сложившуюся ситуацию. Эти обстоятельства не могли не оставлять негативный след на дальнейшее социально-экономическое развитие страны в последующие столетия. В связи с этим в настоящей статье предпринимается попытка исследовать процессы общего социального развития афганского общества в XIX в., показать уровень образования и грамотности различных афганских социальных групп, выделить этапы развития просвещения, а также факторы, негативно сказывавшиеся на его темпах.

Ключевые слова: Афганистан, просвещение, знание, литература, развитие, внешнее давление, изоляционизм

Для цитирования: Окимбеков У.В. О факторах неразвитости просвещения в Афганистане XIX в. Восток (Oriens). 2025. № 4. С. 150–160. DOI: 10.31696/S086919080035267-0

FACTORS OF LOW EDUCATION LEVEL IN AFGHANISTAN
IN THE 19th CENTURY

© 2025

Ubayd V. OKIMBEKOV^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3452-3630; ubayd@inbox.ru

Abstract: Over the 10th – 17th centuries, the territory of modern Afghanistan has been a part of different states and powers, each of which made a certain contribution to its socio-cultural development, and individual cities served as capitals of the estates of influential rulers. Patronage of science and literature, presence of poets and thinkers at the rulers' court became traditional and contributed to the emergence of educational groups, schools and centers. However, since approximately the late 16th century, a process of eventual degradation of these cities had begun and by the 19th century, total illiteracy of the population was noted, there were no signs of systemic education, which negatively affected the development of other spheres of social and economic life. European travelers and emissaries who visited Afghanistan during the 19th century reported about the dilapidated state of its cities, extremely low literacy level of the population, including the ruling circles, absence of schools or any other places where one could learn to read and write. The rulers, both at the national and local level, showed little interest in issues of social development, pursued a policy of isolationism, and distanced themselves from the processes taking place in the outside world. In this regard, this article examines the processes of general social development of Afghan society in the 19th century, shows the level of education and literacy among various Afghan social groups, highlights the stages of education development, as well as factors that negatively affected its pace.

Keywords: Afghanistan, education, knowledge, literature, development, external pressure, isolationism

For citation: Okimbekov U.V. Factors of Low Education Level in Afghanistan in the 19th Century. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 150–160. DOI: 10.31696/S086919080035267-0

Такие афганские города, как Балх, Газни, Герат и Кабул в X–XVII вв. служили важными центрами просвещения и культуры, где доступ к грамоте имели представители самых разных слоев общества [Массон, Ромодин, 1964, с. 237–241, 245–251, 331–353; Белоцерцев, 1988]. Многие из родившихся или живших там поэтов и мыслителей получили мировую известность, а их произведения переводились на другие языки¹. Со временем распад сильных централизованных государств породил обстоятельства, при которых правители сравнительно небольших по размерам самостоятельных и полунезависимых территорий начали вести преимущественно полуавтономную хозяйственную и политическую жизнь [Хрисанф, 1861, с. 9; Мухтаров, 1980, с. 65–70], сконцентрировав внимание исключительно на сборе податей и налогов или на набегах на более слабые соседние владения.

Развитие в XVII в. пуштунской литературы, в частности, творчество её основоположника Х. Хаттака (1613–1689 гг.), и увлеченность некоторых правителей Кандагара никак не

¹ Наиболее известными поэтами, философами и мыслителями являются Рабиа Балхи (X в.), Шахид Балхи (дата смерти 935 г.), Абушукур Балхи (дата рождения 915 г.), Насир Хосров (1004–1088 гг.), Санаи Газневи (1080–1131 гг.), Джалаледдин Руми (родился в Балхе в 1207 г.), Абдулрахман Джами (1414–1492 гг.), Алишер Навои (1441–1501 гг.), Хусейн Ваиз Кашифи (1436–1505 гг.), Махмуд Васифи (1485–1566 гг.) и др.

смогли поспособствовать формированию приемлемой почвы для появления школ или литературных кружков прежнего уровня и образца [Массон, Ромодин, 1965, с. 102; Пелевин, 2002]. Отсутствие спроса на просвещение в этих условиях вынуждало поэтов и мыслителей мигрировать в другие страны, главным образом в Индию².

Проблемы социального развития Афганистана в XIX в. своими корнями уходят в период начала образования афганской государственности (1747 г.). При ее основателе Ахмад-шахе Дуррани (1747–1772 гг.), а позже при Тимур-шахе (1774–1793 гг.) обеспечивалось присутствие поэтов, литераторов, теологов, историков и представителей других направлений при дворе [Ганковский, 1958, с. 10, 53; Губар, 1959, с. 141–142, 148–149; Vakili, 1977, s. 63–64], однако оно, во-первых, не отвечало требованиям времени, во-вторых, не выходило за пределы королевского двора. Внутриполитические обстоятельства, связанные с организацией больших военизированных экспедиций, необходимостью укрепления позиций центральной власти, подавления мятежей, предотвращения обострившихся внутриклановых противостояний, не позволили уделять внимание вопросам развития культуры и образования.

Начавшаяся к концу XVIII в. и продолжившаяся в начале XIX в. борьба за престол между наследниками Тимур-шаха Дуррани погрузила страну в более глубокий социально-экономический кризис, усилила общее отставание и склонность вассалов к самостоятельности. Очередным негативным носителем застоя социальной жизни выступала не проявлявшая заинтересованности в переменах и ведшая замкнутый образ жизни пуштунская племенная верхушка, от которой в сильной зависимости находились афганские правители³ [Хрисанф, 1862, с. 11; Риштия, 1958, с. 34].

Кризис социальной сферы продолжился и после распада династии *сadoзaев*⁴ (1818 г.), когда к власти пришли представители клана *баракзаев*⁵ в лице многочисленных братьев будущего эмира Дост Мухаммад-хана⁶, автономно правившие подконтрольными территориями. Аналогичная ситуация имела место в пределах других независимых владений, правители которых изолированно друг от друга вели примитивный образ жизни, тратили значительные средства на обеспечение личной безопасности [Ferrier, 1857, p. 159]. Все это не оставляло шансов для развития просвещения, негативно сказывалось на качестве жизни городов и населения, включая самих правителей. Кундуз, столица владений Мир Мурад-бега (1815–1842 гг.), например, ни по одному параметру не напоминал город, а резиденция правителя особо не отличалась от остальных глинобитных домов⁷.

² Афганский историк М. Губар перечисляет несколько десятков живших в Индии поэтов, идентифицировавших себя как «бадахши», «балхи», «кабули», «кандагари», «кундузи», «хивари» и т.п., что указывает на места их происхождения. Отмечая деградацию социально-экономической жизни афганских городов, он пишет, что за последние столетия на этой территории не только не были восстановлены или возведены новые города, поселки, оросительные каналы, водозаборные сооружения, но и разрушилось все ранее построенное [Ghobar, 2014, s. 303–305].

³ Описывая положение афганского правителя в конце первого десятилетия XIX в., М. Эльфинстон отмечает: «Двенадцать лет гражданской войны в значительной степени изменили правительство даже по сравнению с тем, что описано выше. Король теперь более чем когда-либо зависит от вождей Дуррани и, как следствие, лишен всякого выбора при назначении своих министров и почти всякого контроля над осуществлением ими своих полномочий» [Elphinstone, 1842, vol. II, p. 249].

⁴ Один из кланов племени *абдали*, от которого происходит основатель афганского государства Ахмад-шах Дуррани. Представители клана *сadoзaев* правили Афганистаном с 1747 по 1818 гг.

⁵ Также является одним из кланов *абдали*, представители которого находились у власти в Афганистане с 1818 по 1978 гг.

⁶ С 1824 по 1834 гг. Дост Мухаммад-хан был правителем Кабула, а между 1834–1839 и 1842–1863 гг. – эмиром Афганистана.

⁷ Приближенные *мира* следующими доводами объясняли выгоду его политики изоляционизма: «В нашей власти перехватить и запереть все караванные дороги из Кабула в Бухару, что значительно повредило бы торговле и того и другого места и не произвело бы никакого влияния на нас самих... Мы ходим в простой пестрой одежде, сшитой из материи, выработанной в нашей родине и в Туркестане» [Борнс, 1847, с. 245].

Междоусобные войны и конфликты, упадок одних династий и приход к власти других, тенденции к самоизоляции вследствие дробления крупных владений на более мелкие были среди основных причин общего социального отставания Афганистана в начале XIX в. К ним можно добавить и слабость внутренних коммуникаций, территориальную изолированность районов и местностей, между которыми отсутствовал обмен товарами и услугами, а информация могла распространяться только по мере передвижения караванов⁸.

УРОВЕНЬ ПРОСВЕЩЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Сравнительно просвещенными группами афганского общества начала XIX в. выступали преимущественно носители практических знаний, полученные эмпирическим путем, реже – посредством обучения. Они в совокупности составили незначительную часть населения и включали:

- 1) духовенство;
- 2) афганских купцов;
- 3) иностранных и местных немусульманских купцов;
- 4) ремесленников.

Клерикалы – единственная группа, получившая образование через обучение при мечетях или в медресе и монополизировавшая имевшуюся сферу просвещения. В целом она обладала ограниченными знаниями религиозных текстов и произведений классиков персидской литературы, но оказала сильное влияние на социальную жизнь населения. Основная часть представителей религии, известная как *улемы*⁹, сосредотачивалась в городах и помимо преподавания религиозных знаний контролировала практику веры и правовую сферу [Elphinstone, vol. I, 1842, p. 248, 282; Ганковский, 1958, с. 49–51]. Духовенство можно отнести к негативным факторам социальной жизни Афганистана, поскольку оно не было заинтересовано в появлении и развитии альтернативной и независимой от них системы образования, даже самой примитивной формы.

Местные афганские купцы, представленные коренными жителями, отличались более широким мировоззрением, сформировавшимся вследствие регулярной коммуникации с внешним миром. Отдельным купцам удавалось выходить на более высокий уровень отношений и принимать участие в реализации иностранных проектов по формированию новых торговых маршрутов, рынков сбыта товаров [Борнс, 1849, с. 540–541; Hanifi, 2011]. Несмотря на это, в афганском обществе они не могли составить конкуренцию духовенству, пользовавшемуся большим авторитетом.

Купцы, с одной стороны, контролировали торгово-экономическую жизнь не только отдельно взятых афганских городов, но и всей страны, играли важную роль в решении политических вопросов государственной важности, могли менять ход происходивших политических процессов в желаемом направлении [Elphinstone, 1842, vol. I, p. 335], выступали деловыми партнерами иностранных государств, в частности, британской Индии. С другой стороны, они являлись более уязвимым звеном, которое часто могло стать мишенью представителей власти – начиная от налогового сборщика и заканчивая солдатами регулярной армии [Hensman, 1882, p. 319–320].

Купцы вместе с путешественниками частично способствовали повышению уровня просвещенности населения, поскольку выступали основным, а временами единственным

⁸ Сообщения о таком важном событии, как возвращение в Кабул Шаха Шуджы и начале первой англо-афганской войны (осень 1838 г.), до многих афганских районов дошли только через несколько месяцев [Ghobar, 2014, s. 538].

⁹ Авторитетные знатоки теоретических и практических вопросов религии ислам.

источником информации, в том числе для верховной власти, которая официально не имела прямых дипломатических и торговых связей с другими странами¹⁰.

Немусульманские купцы из числа армян, евреев и индусов, одна часть которых состояла из приезжих, другая – из постоянно проживавших на афганской земле общин, отличались в том числе финансовой грамотностью, что позволяло им не только контролировать ростовщические операции, занимать нишу на рынке внутренней и внешней торговли, но и находиться на службе при дворах местных правителей [Lord, 1839, p. 115; Masson, 1844, vol. II, p. 318; Katib, 1915, s. 1070]. Такое положение им обеспечила неразвитость просвещения среди местного мусульманского населения, заставлявшая властителей более терпимо относиться к грамотным и образованным иноверцам.

Городские ремесленники, носители практических знаний, состояли преимущественно из таджиков, технологии производства которых, однако, десятилетиями оставались неизменными. Среди же пуштунов, изначально привлекавшихся Великими Моголами и Сефевидами в качестве воинов [Ганковский, 1958, с. 66–69; Vakili, 1977, s. 17], и при афганских правителях традиционно сохранилась тяга к воинской службе. В продолжении этого вопроса добавим, что А. Бернс косвенно подчеркивал важность этнического фактора в вопросе просвещения народов и этносов Афганистана¹¹.

Имевшая место в первой половине XIX в. архаичная система управления полузамкнутых владений по природе не нуждалась в развитии просвещения, а там, где ощущалась необходимость, правителями привлекались индусы из числа местных купцов. Об отсутствии тогда в афганских городах школ, включая религиозные, косвенно свидетельствуют и сообщения английских эмиссаров, которые, описывая состояние более значимых городских построек, только в двух случаях упоминают помещения или здания, называвшиеся школами, – в Балхе [Travels, 1872, p. 79] и в пределах владений правителя Мурад-бега [Wood, 1872, p. 151–152].

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА УРОВНЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Отсутствие образования и интереса к грамоте у большей части афганских правителей являлось одним из факторов общей неразвитости просвещения. Однако изменения, происходившие под давлением социально-политических обстоятельств, в частности, возникновение необходимости личного ознакомления с указами и письмами, умения читать и выучивать религиозные тексты, все больше вынуждало уделять внимание грамоте¹². Контакты

¹⁰ Особенно сложной в этом плане ситуация была в начале рассматриваемого века. Вот как ее характеризует М. Эльфинстон: «Афганское правительство мало знает о соседних государствах. Хотя его внимание долгое время было направлено на Индию и хотя афганские торговцы часто посещают эту страну, величайшее невежество в отношении его государства все еще сохраняется. Министры знают, что империя Моголов пришла в упадок, но имеют весьма несовершенные знания о многочисленных государствах, которые были воздвигнуты на ее руинах. Они гораздо лучше знакомы с Персией и Татарией, но даже там полагаются на сообщения торговцев и путешественников... Посольства редки и никогда не бывают постоянными» [Elphinstone, 1842, vol. II, p. 249].

¹¹ О Дост Мухаммаде он, в частности, пишет: «Мать его была персиянкой, и потому он воспитывался, окруженный ее соотечественниками; а это изоширило его и одарило преимуществами перед всеми его братьями. Всех приближающихся к нему поражают его проницательность, рассудительность и любознательность, также как и его умный разговор и приятное общение» [Борнс, 1849, с. 429].

¹² «Вожди в Афганистане не считают образование первым качеством, так как они должны уметь только ездить верхом, сражаться, обманывать и лгать; и кто лучше всех овладеет этими умениями, тот получает известность. Среди сыновей Сарфраз-хана, братьев эмира Дост Мухаммада, немногие знали буквы алфавита. Их ранняя жизнь проходила в бедности, опасности, предательстве и кровопролитии, но, когда они пришли к власти, регулярное рассмотрение приказов, выносимыми на подпись *мирзами* (секретарями), наконец, заставили их (на-

отдельных правителей с купцами и иностранными эмиссарами способствовали росту интереса к изучению политического строя, экономического состояния, демографии и климатических особенностей стран дальнего и ближнего зарубежья [Борнс, 1848, с. 201–205], желания в устной форме получать новые знания, сформировывать общее представление о достижениях науки и техники.

Такие соприкосновения заставляли правителей допускать мысли об организации производства, которое соответствовало бы современному уровню, но отсутствие теоретических и практических знаний, а также опыта не позволяли этому осуществиться. Единичные эксперименты в кратчайшие сроки и при минимальных материальных затратах наладить производство не принесли ожидаемых результатов. Практика показала, что обладавшие навыками и эмпирическими знаниями ремесленники проявляли больше готовности к переходу на новый уровень производственных отношений, чем сами их инициаторы в лице правителей¹³.

Первый этап применения афганскими правителями новых знаний, начавшийся с практических шагов, можно отнести к 30-м гг. XIX в., но дальнейшему его развитию, помимо прочего, помешала начавшаяся первая англо-афганская война (1838–1842 гг.). Небольшой прогресс в плане освоения зарубежного опыта производства и обучения был связан с военной сферой. Первым делом оно касалось кустарного производства винтовок, в котором непосредственное участие принимал лично Дост Мухаммад. При создании и воспитании афганской регулярной армии впервые привлекался профессионал из числа иностранцев [Массон, Ромодин, 1965, с. 170].

Второй этап условно приходится на период с середины XIX столетия по 1863 г. (до конца правления Дост Мухаммада) и связан с организацией индивидуальных занятий¹⁴ для ограниченного круга членов королевской семьи [Автобиография, 1901, т. 1, с. 11; Marsh, 1877, p. 143]. Также в эти годы в сферу торговли начинают активно вовлекаться близкие эмира Дост Мухаммада [Report, 1862, p. CLXXV–CLXXVI], что, с одной стороны, положительно сказывалось на развитии их мировоззрения, с другой – создавало серьезные проблемы производителям и продавцам товаров.

учиться) читать простые тексты. Мехрдиль-хан, один из вождей Кандагара, больше остальных развил свои способности. Он сочинял стихи и отличался своим знанием персидской литературы, тем не менее некоторые из его братьев-вождей не умели ни писать, ни читать. Эмир Дост Мухаммад-хан выучил Коран только тогда, когда достиг вершины своей славы... Однако его эмпирические знания и информация, которой он обладал по древней и современной истории, пословицам, приключениям, а также по управлению различными дальними владениями, свидетельствуют о его выдающихся талантах и эрудиции. Он говорит на персидском, пушту, турецком, панджаби и кашмирском языках» [Lal, 1846, p. 205–206].

¹³ Речь идет об эмире Дост Мухаммеде и правителе Герата Яр Мухаммаде (1842–1851 гг.), которые отдельно друг от друга пытались наладить производство некоторых товаров и поставлять на местный рынок по более низкой цене, чем ввозились из других стран. При этом в обоих случаях упор был сделан на таджиков как главных мастеров ремесла. Ремесленники были готовы к этому и нуждались в создании необходимых условий труда, однако, откликнувшись, они попали в ситуацию, при которой полностью потеряли свободу. Многочасовая работа с предельно низкой оплатой труда и минимальными трудовыми условиями в сумме с жестоким обращением под разными предлогами препятствовали формированию предпосылок начала развития внутреннего производства [Ferrier, 1858, p. 322, 326; Губар, 1959, с. 156].

¹⁴ Из слов самого Абдулрахман-хана можно прийти к выводу, что его отец Афзаль-хан был заинтересован в обучении сына, максимально старался создавать условия, но тем не менее будущий эмир, видимо, не мог осознавать пользы от него: «Вслед за тем я возвратился в Балх с отцом, а через несколько дней он мне приказал начать учиться. Целые дни я старался читать и писать, но все это давалось мне очень туго: я ненавидел учение, так как мысли мои были больше заняты верховой ездой и стрельбой; из дня в день я забывал то, чему учился накануне, но волей-неволей надо было продолжать учение... К концу года отец построил для меня новую школу...» [Автобиография, 1901, т. I, с. 11].

РЕФОРМЫ ЭМИРОВ ШЕР АЛИ-ХАНА И АБДУРРАХМАН-ХАНА

Визит эмира Шер Али-хана (1863–1866 и 1868–1878 гг.) в Индию, оказавший сильное влияние на его мировосприятие, лишний раз подтверждает, что открытость и коммуникация с внешним миром всегда были одним из важных условий развития Афганистана. Зарубежная поездка побудила эмира по-другому смотреть на развитие страны, инициировать ускоренную модернизацию социально-экономической жизни замкнутого афганского общества, однако общая отсталость, вызванная внутренними конфликтами и возросшим внешнеполитическим давлением со стороны Великобритании, продолжали быть серьезными барьерами. Просчеты самого эмира при этом заключались в традиционных стремлениях поспешно внедрить радикальные реформы и оперативно получить результаты.

Впрочем, заслуга Шер Али-хана заключалась в заложении фундамента, на котором в дальнейшем медленными темпами продолжал строиться социально-экономический механизм, включавший элементы нового. Реформы системы государственной власти и налогообложения, появление в Кабуле литографической печати, начало публикации на языках дари и пушту брошюр, открытие двух первых в истории страны светских школ – гражданской и военной – без преувеличения можно называть значительными шагами. Наряду с этим можно указать и на построенные в Кабуле оружейные цеха, способствовавшие росту численного состава рабочего класса, применение новых технологий и строительных материалов при возведении городских построек. В разных сферах жизни, в частности, производстве одежды и обуви, внедрялись английские стандарты, правила и положения, которым в большинстве случаев противилось местное население [Narrative, 1871, p. 83–84, 143, 187].

Другим серьезным продвижением являлось привлечение к государственным делам образованных лиц из числа афганцев. Наиболее известным, и, возможно, единственным среди них был приглашенный из Пешавара купец Кады Абдул Кадыр, который играл ключевую роль в реформах Шер Али-хана. В числе прочего в 1875 г. он организовал издание первой в истории Афганистана газеты «Шамс ан-нахар» (Солнце дня) [Ghobar, 2014, s. 595], основной целью которой являлась пропаганда знаний, публикация информации о достижениях других стран и народов, а также новостей о жизни афганских провинций. Газета через несколько лет закрылась, а в конце второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.) в ходе карательной операции англичанами было разрушено единственное на всю страну печатное оборудование [Ромодин, 1990, с. 69].

На первый взгляд в условиях тотальной безграмотности афганского населения эти мероприятия кажутся малоэффективными, тем не менее они, несомненно, являлись серьезным прорывом в сторону пропаганды и популяризации просвещения, пусть и среди ограниченной части афганского общества. Для успешной реализации тех или иных социальных реформ требовалось более длительное время и большой объем работы, ведь неготовность к ним, прежде всего в вопросе прав и свободы женщин, демонстрировало не только рядовое население, но и придворные круги, элита. Таким образом, преобразованиям, инициированным эмиром, с одной стороны, препятствовала неподготовленность афганского общества, с другой – возросшая угроза английского вторжения, поглощавшая все больше ресурсов государственной казны.

Начавшаяся к концу 70-х гг. XIX в. вторая англо-афганская война подорвала все начинания Шер Али-хана, и к 1880-м гг., по некоторым оценкам, сфера просвещения Афганистана в своем развитии оказалась на уровне начала века¹⁵, если не ухудшилась [Кухтина, 1960,

¹⁵ Об этом косвенно свидетельствуют и слова самого эмира Абдуллахман-хана, который писал: «До восшествия моего на престол во всем государстве Афганистана не было вовсе печатного станка, а образование было в

с. 8–11]. Знания служащих госучреждений следующего эмира Абдурахман-хана (1880–1901 гг.), составлявших самый образованный слой афганского общества, ограничивались персидской литературой и элементарными правилами арифметики [Автобиография, 1901, т. 1, с. 304–305; Мартин, 1910, с. 192]. Тем не менее начатые Шер Али-ханом реформы получили продолжение при Абдурахман-хане, прежде всего, благодаря опыту, приобретенному последним за десять лет эмиграции в Самарканде (1870–1880 гг.). Эмир подтверждал, что за те годы он имел возможность научиться многому, освоить новые навыки и знания¹⁶.

Привлечение в Афганистан иностранных гражданских специалистов – инженеров, геологов и медиков из числа европейских и индийских специалистов для выполнения работ по контракту и обучения афганцев – является другим важным шагом на пути модернизации. Оно сопровождалось переводом на язык *дари* инструкций по использованию оборудования, а также книг по разным предметам [Автобиография, 1901, т. 2, с. 24–25; Риттих, 1905, с. 43–44]. Несмотря на утверждения эмира относительно открытия по инициативе самих жителей ряда школ на местах [Автобиография, 1901, т. 1, с. 95–96], проблема доступа к образованию продолжала оставаться актуальной.

Абдурахман-хан осознавал необходимость развития образования, однако это не мешало ему экономить ресурсы на подготовку гражданских специалистов и заниматься поиском менее затратных путей обучения рабочих кабульских цехов и мастерских¹⁷. Иными словами, эмир подобно престопреемникам намеревался за короткое время при минимальных затратах решать вопросы образования [Автобиография, 1901, т. 2, с. 25], по крайней мере в Кабуле, что по-прежнему не представлялось возможным.

При нем, с одной стороны, страна полностью лишилась внешнего суверенитета, с другой – подданным запрещались любые контакты с внешним миром, даже с посещавшими Афганистан иностранцами. В связи с этим главной проблемой Абдурахман-хана остался дисбаланс, при котором основу расходной части казны составляли затраты на военные нужды. Они обуславливались факторами внешней угрозы и необходимостью подчинения центральной власти непокорных племен и народов¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика изоляционизма афганских властей, выражавшаяся в минимизации контактов с другими государствами в сумме с внутрдинастическими противостояниями, внешними вторжениями, внутренней территориальной изолированностью, в частности, отсутствием путей сообщения между многими областями и районами, была в числе комплекса проблем, послуживших факторами общей социально-экономической отсталости Афганистана.

таком пренебрежении, что по всей стране я должен был публиковать о приискании тридцати нужных мне писцов, которые бы умели читать и писать на собственном языке; при всем том я нашел только трех, удовлетворяющих этим условиям» [Автобиография, 1901, т. 2, с. 27].

¹⁶ «Во время моего пребывания в пределах России я старался изучить все, относящееся к заводской и мануфактурной промышленности; я за то же время изучил мастерства золотых дел, эмалирования, золочения, окрашивания кожи и т.п.» [Автобиография, 1901, т. 2, с. 27].

¹⁷ Он, бесспорно, мог при необходимости найти средств, чтобы отправить на обучение в другие страны своих подданных, однако опасался попадания под влияние иностранных государств, поэтому искал поводы для оправдания. В частности, эмир писал: «На вопрос должен ли я посылать моих людей в другие страны учиться разным ремеслам и промышленности, ответу, что раньше всего эта мера вызвала бы большие расходы; родители этих молодых людей и не пожелали бы, да и не были бы в состоянии нести эти расходы, а правительство мое не было бы настолько богато, чтобы принять эти расходы на счет казны» [Автобиография, 1901, т. 2, с. 24].

¹⁸ Абдурахман-хан, в частности, писал: «Я испытывал настоятельную нужду в оружии и разных предметах снабжения в виду тех войн, которые происходили в моей стране время от времени и возникновение которых можно было ожидать во всякое время» [Автобиография, 1901, т. 2, с. 26].

Она подпитывалась и доминирующим положением племенных вождей, предпочитавших консервацию существовавших норм и порядков, которая вполне соответствовала и интересам духовенства для сохранения монополии над социальной жизнью общества. Фрагментарность страны, на устранение которой центральными властями часто направлялись большие ресурсы, также была обусловлена политикой изоляционизма на более низком, внутреннем уровне.

Ограниченное мировоззрение и предельно низкий уровень просвещенности афганской элиты, состоявшей из придворных, вождей племен, крупных землевладельцев и духовенства, были среди прочих негативных факторов неразвитости просвещения. На протяжении второй половины рассматриваемого века усилилась вызванная внешними интервенциями политика изоляционизма, вынудившая афганских правителей направить большую часть ресурсов казны на военные цели, отбросив вопросы социального развития на задний план.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Издано Султаном Магомед-ханом. Пер. М. Грулева. В 2-х т. СПб.: В. Березовский, 1901 [*Autobiography of Abdurrahman Khan, Emir of Afghanistan. Published by Sultan Magomet Khan.* М. Grulev (tr.) In 2 vols. Saint Petersburg: V. Berezovsky, 1901 (Russian translation)].

Белозерцев Е.П. *Народное образование в Республике Афганистан.* М.: Педагогика, 1988 [Belozertsev E.P. *Public education in the Republic of Afghanistan.* Moscow: Pedagogika, 1988 (in Russian)].

Борнс А. *Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах.* В 2-х ч. Переведено по поручению П.В. Голубкова. М.: Типография Н. Эрнста, 1847 [Burnes A. *Cabool: Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City in the Years 1836, 7 And 8.* In 2 parts. Translated at the request of P.V. Golubkov. Moscow: Tipografiia N. Ernsta, 1847 (Russian translation)].

Борнс А. *Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества.* Ч. 2 и 3. Пер. Г. Мина. М.: В Университетской типографии, 1848–1849 [Burnes A. *Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833.* Parts 2–3. G. Min (tr.) Moscow: V Universitetskoi tipografii, 1848–1849 (Russian translation)].

Ганковский Ю.В. *Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы.* М.: Издательство восточной литературы, 1958 [Gankovsky Yu.V. *The Durrani Empire. Essays on the administrative and military system.* Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1958 (in Russian)].

Губар М.Г.М. *Ахмад-шах – основатель афганского государства.* Пер. И.М. Рейснера, Э.М. Рикса. М.: Издательство иностранной литературы, 1959 [Gubar M.G.M. *Ahmad Shah, the founder of the Afghan state.* I.M. Reisner, E.M. Rickshaw (tr.) Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1959 (Russian translation)].

Кухтина Т.И. *Просвещение в независимом Афганистане.* М.: Восточная литература, 1960 [Kukhtina T.I. *Education in independent Afghanistan.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1960 (in Russian)].

Мартин А.Ф. *8 лет при дворе неограниченного монарха.* Пер. Л.В. Омеляновича. Ташкент: Коммерческая типография Я.П. Эдельмана, 1910 [Martin A.F. *Under the absolute Amir.* L.V. Omelianovich (tr.) Tashkent: Kommercheskaya tipografiya Ya.P. Edelmana, 1910 (Russian translation)].

Массон В.М., Ромодин В.А. *История Афганистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI в.* М.: Наука, 1964 [Masson V.M., Romodin V.A. *History of Afghanistan. From the ancient times to the early 16th century.* Vol. I. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Массон В.М., Ромодин В.А. *История Афганистана. Том II. Афганистан в новое время.* М.: Наука, 1965 [Masson V.M., Romodin V.A. *History of Afghanistan. Vol. II. Afghanistan in Modern Times.* Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Мухтаров А. *Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI–XVIII вв.)*. Душанбе: Дониш, 1980 [Mukhtarov A. *Late medieval Balkh (materials for the historical topography of the city in the 16th–18th centuries).* Dushanbe: Donish, 1980 (in Russian)].

Пелевин М.С. *Хушхал-хан Хаттак (1613–689). Начало афганской национальной поэзии*. СПб: Петербургское Востоковедение, 2001 [Pelevin M.S. *Khuskhhal-khan Khattak (1613–689). The Beginning of Afghan National Poetry.* Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian)].

Риттих П.А. *Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды)*. СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1905 [Rittikh P.A. *The Afghan question (military, geographical and political studies).* Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba voysk Gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1905 (in Russian)].

Риштиа С.К. *Афганистан в XIX веке*. Пер. Л.Н. Дорофеевой, М.К. Куркина, Мухаммед Рахим Хана. Под ред. Ю.В. Ганковского. М.: Иностранная литература, 1958 [Rishtiya S.K. *Afghanistan in the 19th century.* L.N. Dorofeeva, M.K. Kurkina, Muhammad Rahim Khan (tr.), Yu.V. Gankovsky (ed.) Moscow: Inostrannaya literatura, 1958 (in Russian)].

Ромодин В.А. *Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. (Официальная история и историография)*. М.: Наука, 1990 [Romodin V.A. *Afghanistan in the second half of the 19th – early 20th century (Official history and historiography).* Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Хрисанф, митрополит Новопатрасский. *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах*. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. Книга 1. 1861 [Chrysanthus, Metropolitan of Novopatras. *On the countries of Central Asia visited by him in the 1790s.* Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Book 1. 1861 (in Russian)].

Elphinstone M. *An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India*. In 2 vols. London: Richard Bentley, 1842.

Ferrier J.P. *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying between Russia and India*. 2nd ed. London: J. Murray, 1857.

Ferrier J.P. *History of the Afghans*. London: J. Murray, 1858.

Ghobar M.G.M. *Afghanistan dar masire ta'rikh*. Kabul, 2014 (in Dari).

Hanifi S.M. *Connecting Histories in Afghanistan. Market Relations and State Formation on a Colonial Frontier*. Redwood City: Stanford University Press, 2011. <http://www.gutenberg-e.org/hanifi/chapter2.html#txt52> (accessed: 14.02.2024).

Hensman H. *The Afghan War of 1879–80, being a complete narrative of the capture of Cabul, the siege of Sharpur, the battle of Ahmed Khel, the brilliant march to Candahar, and the defeat of Ayub Khan, with the operations of the Helmund, and the settlement with Abdur Rahman Khan*. 2nd ed. London: Allen, 1882.

Katib F.M. *Seraj at-tawarikh*. Kabul: Matba'a-e dar-ul-saltana, 1331–33 Hijri (1915) (in Dari).

Lal M. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan*. In 2 vols. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846.

Lord P.B. *A Memoir on the Uzbek state of Kundooz, and the power of its present ruler Mahomed Murad Beg*. No. XII. *Report and papers. Political, Geographycal and Commercial Submitted to Government*. Calcutta: G.H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1839. Pp. 96–124.

Marsh H.C. *A ride through Islam, being a journey through Persia and Afghanistan to India viâ Meshed, Herat, and Kandahar*. London: Tinsley Bros., 1877.

Masson Ch. *Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalât, during a residence in those countries: to which is added an account of the insurrection at Kalat, and a memoir on Eastern Balochistan*. Vol. II. London: Richard Bentley, 1844.

Narrative of recent events on Afghanistan, from the recovery of Candahar to the Conclusion of the rebellion of Yacoob Khan. Government of India, Foreign Department. Secret. Simla, 1871.

Report on the trade and resources of the countries on the North-Western boundary of British India. Lahore, 1862.

Travels in Central Asia by Meer Izzut-oollah in the years 1812–13. Translated by Captain Henderson, attached to the Foreign Office of the Government of India. Calcutta: The Foreign Department Press, 1872.

Vakili A. *Diwane Timur Shah*. Kabul, 1356 (1977) (in Dari).

Wood J. *A Journey to the Source of the River Oxus*. London: J. Murray, 1872.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКИМБЕКОВ Убайд Вафобекович –
кандидат экономических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Ubaid V. OKIMBEKOV, PhD (Economics),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.